

МЕМУАРЫ. ДНЕВНИКИ. ДОКУМЕНТЫ

ГРОМОВ Владимир Прокофьевич
кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории России
Кубанского государственного университета
Краснодар, Россия
Vladimir P. GROMOV
Cand. Sci. (National History), Assoc. Prof.,
Department of Russian History,
Kuban State University
Krasnodar, Russia
grom001@mail.ru

Новый мемуарный источник о Гражданской войне: из воспоминаний кубанского казака-эмигранта М. В. Губы

В статье представлен первый опыт введения в научный оборот воспоминаний кубанского казака-эмигранта Михаила Васильевича Губы. Изложено и охарактеризовано содержание части воспоминаний, относящейся к событиям Гражданской войны на Юге России. Окончив в 1917 г. школу прапорщиков в Екатеринодаре, автор воспоминаний был направлен на Кавказский фронт Первой Мировой войны, затем возвратился на Кубань, в родную станицу Черноерковскую, где стал свидетелем и участником разгоравшегося гражданского противостояния. Михаил Губа активно участвовал в боевых действиях на стороне Добровольческой армии. Летом 1918 г. под Царицыным он был ранен и признан негодным к дальнейшей воинской службе. Разгром Белой армии он встретил в Анапе, находясь на административной должности, и сумел избежать преследования, скрываясь в окрестностях города. Высадка десанта генерала С. Г. Улагая позволила М. В. Губе на короткое время вернуться домой, затем на кораблях десанта бежать в Крым, а оттуда – в Константинополь. Личностное восприятие переживаемых событий, богатое фактами содержание воспоминаний представляют очевидный научный интерес.

Ключевые слова: М. В. Губа, Гражданская война, Кубань, Кубанское казачье войско, станица Черноерковская, Добровольческая армия, Кубанская армия, Добровольческая армия, бело-зеленое движение.

A New Memoir Source about the Russian Civil War: from the Memoirs of the Kuban Cossack Emigrant Mikhail V. Guba

In the article the first experience of introducing the memories of the Kuban Cossack emigrant Mikhail Vasilyevich Guba into the scientific circulation is presented. The contents of a part of the memoirs related to the events of the Civil War in the South of Russia are given and characterized. After graduating from the school of ensigns in Yekaterinodar in 1917 the author of the memoirs was sent to the Caucasian front of the World War I, then returned to Kuban, to his native stanitsa Chernookovskaya, where he witnessed and participated in a flared up civil confrontation. Mikhail Guba actively participated in the military operations on the side of the Volunteer Army. In the summer of 1918, at Tsaritsyn, he was wounded and found unfit for further military service. He met the defeat of the White Army in Anapa, while in an administrative position, and managed to escape the persecution, hiding in the vicinity of the city. The landing operation of General S. G. Ulagai allowed M. V. Guba to return home for a short time, then flew to the Crimea on landing ships, and thence to Constantinople. The personal perception of the experiences, the rich content of the memoirs are of obvious scientific interest.

Keywords: Mikhail V. Guba, Russian Civil war, Kuban, Kuban Cossack Host, Chernookovskaya village, Volunteer army, Kuban army, Volunteer army, white-green movement.

Воспоминания казака из станицы Черноерковской Михаила Васильевича Губы, представляющие собой рукопись в четырех тетрадах, сплошь исписанных мелким каллиграфическим почерком, с заголовком «Страницы из моей жизни. На память моим сыновьям и дочерям» составляют часть массива документов личного фонда атамана Кубанского казачьего войска В. П. Громова, хранящегося в Государственном архиве Краснодарского края [1] [2] [3].

Эти воспоминания охватывают огромный период жизни казака: от службы в Первом Таманском полку в 1907-1910 гг. и участия в Отечественной (Первой Мировой), а затем и в Гражданской войнах до 60-х гг. прошлого столетия, когда М. В. Губа вместе с дочерьми в качестве туриста побывал на Кубани и посетил Краснодар и родную станицу Черноерковскую. Умер есаул М. В. Губа в 1974 г., похоронен на казачьем кладбище в штате Нью-Джерси. Приходящийся ему внучатным племянником (по отцовской линии) автор этой публикации, в бытность свою атаманом Кубанского казачьего войска, пребывая в 1991 г. в США по приглашению атамана Кубанского казачьего войска в зарубежье А. М. Певнева, встретился с дочерьми М. В. Губы – Марией Михайловной и Ниной Михайловной, а спустя девять лет, в 2000 г., получил от М. В. Губа воспоминания ее отца в дар.

Очевидный научный интерес представляет не только содержательная сторона воспоминаний, но отчетливо проявившееся в них личностное восприятие переживаемых событий. Первые записи, легшие в основу будущего большого текста, М. В. Губа начал писать в 1924 г., уже будучи в эмиграции, и продолжал на протяжении большей части жизни. Применительно к Гражданской войне этот факт, несомненно, относит его воспоминания к ряду ретроспективных источников. В то же время стоит отметить, что от описыва-

емых событий в 1924 г. М. В. Губу отделяло всего несколько лет, что позволяет допустить высокую степень достоверности излагаемых фактов.

Другой отличительной чертой воспоминаний есаула М. В. Губы выступает необычное для источников мемуарного характера обилие упоминаемых известных ему фактов и описываемых событий, участником которых он был. Еще одна особенность – достаточно простой стиль изложения. Многие события точно датированы, иные требуют уточнений.

Наиболее ценными, как с содержательной стороны, так и с точки зрения эмоциональных переживаний, нам представляются воспоминания, относящиеся к периоду Гражданской войны на Кубани в 1918-1920 гг. Для их понимания стоит упомянуть, что во время Первой Мировой войны М. В. Губа за неполных полгода участия в боях за отличие и мужество был награжден четырьмя Георгиевскими крестами и медалями и, как отличившийся в боях и имевший награды, был направлен в школу прапорщиков, которая находилась в Екатеринодаре. Здесь, в октябре 1916 г., когда до выпуска оставалось два месяца, М. В. Губа стал свидетелем визита в столицу кубанских казаков наместника на Кавказе и командующего Кавказской армией великого князя Николая Николаевича Романова, который осмотрел регалии, грамоты и награды Кубанского казачьего войска и принял парад Екатеринодарского гарнизона на площади у Войскового собора. Во главе парада, в составе школы прапорщиков всех казачьих войск маршировал М. В. Губа.

Известие об отречении императора Николая II от престола произвело на молодого прапорщика впечатление разорвавшейся бомбы. Общеизвестно, что казачество отнеслось к этому событию достаточно спокойно: не выступило в защиту царя, не делало никаких заявлений. Но все понимали, что грядут перемены,

и прапорщики, и казаки были потрясены этим известием и, как отмечает М. В. Губа, подавлены случившимся. В Екатеринодаре рабочие и горожане выходили на митинги, шествия, принимались резолюции, при этом рабочие ликовали от случившегося в их понимании счастья.

В противовес этому М. Губа считал, что именно в эту минуту, когда решается судьба государства, народ должен быть единым – без различия классов, политических взглядов, вероисповеданий. Нужно было довести войну до победного конца, во что бы то ни стало. И уж тогда можно за заслуги и труды просить или требовать от правительства всего, что было так необходимо – земли и свободы. Губа бывал на митингах, прислушивался к произносимым речам; его удивляло, что, помимо гражданских, в митингах участвовали и военные.

27 марта 1917 г. в школе прапорщиков состоялся выпуск. После производства в новый чин, с которым выпускников поздравили исполнявший обязанности наказного атамана войсковой старшина Гаденко и комиссар Временного правительства К. Л. Бардиж. Михаил Губа, как и прочие выпускники школы, получил месячный отпуск, после которого он был направлен в для прохождения службы в Третий Таманский полк на турецкий фронт. На направлявшихся на театр военных действий 148 казаков и четырех офицеров, неизгладимое впечатление произвело посещение древней столицы Грузии – Мцхета. Там, в монастыре Святой Нины, игуменьей была 84-летняя княгиня Баратова, старшая сестра генерала Н. Н. Баратова. Она благословила казаков и вручила им крестики, сделанные из дерева, под которым Святая Нина молилась.

Штаб Третьего Таманского полка под командованием полковника Е. Ф. Гончарова находился в городе Сабасахар. М. Губа был назначен младшим офицером в полковую пулеметную команду и почти сразу,

поскольку ожидалось поступление на вооружение полка французских пулеметов «Шаша», направлен в г. Урмию для изучения этой системы оружия. В комиссию по приемке пулеметов, помимо М. Губы, вошел сотник Полтавского полка А. Ермоленко и капитан-француз Дюфуру. Возвращаясь в полк, М. Губа впервые столкнулся с проявлением начавшегося разложения российской армии: автомобиль, высланный из полка за офицерами, оказался захваченным начальником Урмийской флотилии и его штабом. Оставшееся единственное свободное место предложили французскому офицеру, но тот категорически отказался, заявив, что они возвращаются втроем. В поисках ночлега прапорщик Губа зашел к коменданту пристани, но получил отказ, несмотря на то, что комната коменданта была почти свободна. Губа позвонил в штаб полка, просил прислать за ними автомобиль, но там отказали, сославшись на то, что шоферы «не хотят ехать». И еще в двух местах, куда он обращался с просьбой о ночлеге, его просьба была отвергнута. Тогда М. Губа зашел к телеграфистам и попросил найти место для французского капитана, так как неудобно было оставлять офицера союзной армии оставлять на целую ночь быть на улице. Солдаты сначала согласились уступить одно место, но француз заявил им: «Я очень тронут вашим великодушием – тем, что вы, солдаты, дали мне место. Не более часа назад мне в этом отказали русские офицеры. Но я же не один, со мной два моих спутника – русских офицера. А потому я буду спать с ними на улице, так как им нет места». С этими словами он вышел на улицу. Солдаты были удивлены этому решению и вскоре вышли все трое на улицу, дав возможность трем офицерам возможность переночевать. Они уступили нам свои койки, сказав: «Мы как-нибудь устроимся». Утром, поблагодарив солдат за ночлег, члены комиссии отправились в штаб. Этот случай потряс молодого ка-

зачьего офицера и заставил задуматься о том, что происходит с армией, теперь уже при Временном правительстве.

В штабе Кубанского корпуса объявили, что ввиду предстоящей отправки Третьего Таманского полка на Кубань ему не будут поставляться пулеметы нового образца. В середине ноября 1917 г., уже после Октябрьской революции, полк поездом отправился в Кубанскую область. Автором воспоминаний отмечался полный развал на железной дороге. Правительство отправляло казачьи полки с фронта, чтобы удержать ситуацию в казачьих областях, так как дезертирство и самовольное оставление фронта армейскими частями стало массовым явлением. Было заметно, как деморализованная и «напичканная» большевистскими идеями солдатская масса принимала сторону этой политической силы. Напряженная обстановка сохранялась по всему пути следования полка: чуть ли не на каждой станции эшелон останавливали и наводили справки, откуда и куда едут казаки. Были даже случаи, когда командование полка получало телеграммы от какого-то неизвестного командира с указанием выгрузиться из вагонов или даже вернуться обратно. Наступал полный хаос. Вдоль железной дороги промышляли отряды чеченских и ингушских грабителей, которые останавливали поезда и совершали преступления в отношении пассажиров. Казаки были вынуждены находиться в состоянии постоянной готовности дать отпор.

В начале декабря 1917 г. Третий Таманский полк наконец-то прибыл в станицу Крымскую, где находился штаб полка. По словам Губы, всего через дня по прибытии полк нельзя было узнать: люди поддались влиянию большевистских агитаторов. Казаки требовали немедленно распустить их с лошадьми по домам. После череды митингов большинство казаков полка, который официально не был распущен, сами разошлось. На месте от каждой

сотни оставалось по 10-15 казаков из последнего пополнения. Числа 20 декабря в Крымскую прибыл из Финляндии Первый Таманский полк. В нем уже все было перестроено на новый лад, все офицеры и казаки были без погон, и возмущались, увидев, что у в Третьем полку офицеры и оставшиеся казаки ходили при погонах, а потом тоже разбежались по домам. В полку остались лишь члены казачьего комитета, которые постоянно участвовали в митингах большевиков.

В начале января 1918 г. Михаил Губа отправился в недельный отпуск в станицу Черноерковскую и, как он отмечает, не узнал родной станицы. Здесь постоянно звонили колокола, призывая народ на митинги, на которых обсуждался вопрос о том, что нужно создавать отряд и идти на Екатеринодар, чтобы уничтожить «Офицерское Кубанское Войсковое правительство и установить советскую власть». И к этому, по словам молодого офицера, призывали люди, не имевшие никакого понятия о большевиках. Толпы собравшихся неистовствовали. В станице начались обыски у сотника М. Борисенко и местного священника. Искали оружие – там, где его не могло быть.

Не дожидаясь окончания отпуска, Губа отправился в штаб полка. В станице Славянской он встретил толпу казаков, идущих из Темрюка на Екатеринодар, чтобы разгромить Кубанское правительство, окруженное со всех сторон красновардейскими отрядами. Особой разнузданностью, по словам прапорщика, отличались полчища из остатков дезорганизованной Кавказской армии, которая шла с Кавказского фронта и части которой высадились в Новороссийске.

В штабе Таманского полка оставалось несколько офицеров. Остальные тоже разъехались по домам, опасаясь расправы. Они нигде не появлялись и не знали, что делать. Теперь митинговала вся станица.

В начале марта М. Губа как честный офицер вернулся в свой Третий Таманский полк и застал его командира под арестом. Стало ясно, что служба в полку закончилась вскоре от воинского подразделения останутся лишь одни воспоминания. Покидая полк в опасении ареста, Михаил забрал с собой послушной список. К этому времени в полку не было уже ни одного казака, а полковое знамя было поставлено в церковь станицы Крымской. М. Губа с огорчением отметил: «Так плачевно завершил свое существование наш славный Третий Таманский полк. Хозяйство полка, казенных лошадей, двуколки, фураж и все запасы казаки забрали с собой по домам».

В большинстве станиц Кубани установилась советская власть. Друзья М. Губы сообщали ему, что в Черноерковском станичном совете его вспоминали каждый день. Наконец, 26 марта 1918 г. ему вручили повестку с требованием сейчас же явиться в совет. Теряясь в догадках, Михаил направился туда. Комиссар станицы Черноерковской Л. Грудза сообщил, что накануне совет принял решение пригласить его, Губу, на службу в совет: «И теперь вы, Михаил Васильевич – член нашего станичного совета. Сейчас будет заседание». Отказываться было опасно, так как он сразу мог попасть в число контрреволюционеров. Поэтому М. Губа согласился и, более того, впоследствии стал председателем станичного совета. Позже он сам удивлялся превратностям судьбы: еще месяц назад он был офицером, а теперь стал руководителем большевистского органа власти. В душе он оставался беспартийным человеком, ярким противником Советов и большевизма, но время и обстановка заставляли скрывать убеждения.

Заседания стансовета проходили почти каждый день, и вскоре Губа вошел в курс вершимых большевиками дел. Население станицы Черноерковской было в восторге от позиции большевиков, но М. Губа не упускал случая показать обрат-

ную сторону утопических идей, в частности, предложения о том, что нужно взять на учет всех жителей станицы, а затем поровну между всеми имущими и не имущими разделить станичные земли. Осознав, чем это грозит им, казаки кричали: «Та ни! такого нам нэ трэба!».

Комиссар станицы Л. Грудза был человеком малограмотным, плохо разбирались в насаждаемых нововведениях и просил назначить ему заместителя. В апреле 1918 г. общее собрание станицы намерено было избрать нового комиссара. Губа, узнав об этом, накануне подговорил своих друзей, чтобы те не поддержали его кандидатуру, и на должность избрали пластуна М. Борисенко, а М. Губа остался председателем стансовета, возглавив помимо этого земельную комиссию и комиссию народного образования. Председателем финансовой комиссии избрали хорунжего Коваленко, бывшего учителя. Получилось, что в совете станицы Черноерковской состояло четыре бывших офицера, которые были противниками Советской власти. Все это свидетельствует о том, что первоначально органы Советской власти формировались из числа авторитетных и уважаемых в станице людей, которые, выполняя свои служебные обязанности, не позволяли себе открыто критиковать власть, но защищали интересы населения станицы.

Так, в мае 1918 г. из Таманского отдельского комиссариата было получено распоряжение мобилизовать казаков 20-24 лет и направить их в станицу Славянскую для формирования красноармейских частей. Вопрос был достаточно сложный, поскольку желания воевать казаки не испытывали, поэтому нужно было решить, как не допустить их отправки в формируемые части Красной армии.

Члены стансовета, собравшись на совещание у комиссара, решили: ввиду того, что Крым был занят немцами, и для охраны побережья Азовского моря нужна во-

енная сила, просить отдельский комиссариат, чтобы созданную из черноерковских казаков роту направили на охрану границы. Общее собрание станицы поддержало предложение стансовета. Это был единственный способ удержать людей дома. В отдельский совет была направлена делегация для решения этого вопроса, в состав которой вошел и М. Губа. Поначалу их там пытались убедить: «Если нужно, мы сами пришлем вам роту, а вы своих людей высылаете в Славянскую». Тем не менее рота была сформирована и выставлена на берегу Азовского моря.

Казачество Кубани, хотя и не поддерживало войскового атамана и правительства, внимательно следило за разворачивающимися в области событиями. Знало оно и о «Ледяном походе» генерала Л. Г. Корнилова и его гибели под Екатеринодаром. События Гражданской войны развивались стремительно, и взгляды на происходящее кубанских казаков, ощутивших на себе всю тяжесть политики реквизиций, открытого произвола и репрессий, также изменялись.

Поэтому, когда в июле 1918 г. Добровольческая армия генерала А. И. Деникина начала наступление на Кубань, население области, озлобленное Советской властью, активно помогало добровольцам. Станицы переходили на сторону белых одна за другой, Добровольческая армия росла за счет восставших и присоединившихся кубанских казаков.

8 августа Черноерковская была занята Белой армией. Еще накануне Отдельский комиссариат направил предписание немедленно прислать роту красногвардейцев в станицу Славянскую. За невыполнение грозил расстрел комиссара и председателя Совета. Но спустя два дня станица была занята отрядом В. Л. Покровского.

Как отмечает М. Губа, «о нашем настроении и „преданности“ большевикам все знали, поэтому никаких арестов не

было. Скорее была радостная встреча». После объявленной мобилизации бывший комиссар М. Борисенко, взяв с собой роту, а М. Губа – 48 казаков с лошадьми, влились в отряд Покровского и выступили на Славянскую.

С этого времени М. Губа постоянно участвовал в боевых действиях Белой армии. Его отряд 12 августа вышел под станицей Курчанской на Второй Запорожский полк, в котором была сотня казаков из станицы Петровской, и влился в состав полка, где Губа сразу же был назначен младшим офицером 6 сотни. Полк развивал наступление на станицу Варениковскую, Новороссийск и Анапу, по пути следования увеличивая численность за счет прибывавших казаков.

М. В. Губа пишет, что на первом этапе Гражданской войны на Кубани боевые действия велись одновременно на нескольких направлениях, что объяснялось стремлением Белой армии разгромить разрозненные части красных, поэтому Запорожский полк, в котором воевал Михаил, несколько раз перебрасывался из одного района в другой. 18 сентября полк был по железной дороге направлен в станицу Усть-Лабинскую, где атаман Кубанского казачьего войска А. Филимонов провел смотр войск, после чего подразделение выдвинулось в наступление на Белореченскую и Майкоп. Стоит отметить, что при проведении мобилизации белыми на Кубани сохранился прежний полковой принцип, как это было до революции. Это было вполне рационально: полки формировались из казаков тех же станиц, что и прежде. В одном полку воевали земляки-сослуживцы, однополчане в по прежним годам службы. Запорожский полк входил в состав дивизии, которой командовал В. Л. Покровский, чья кандидатура рассматривалась тогда на должность командующего Кубанской армией. Этот вопрос должен был обсуждаться на заседании Законодательной Рады Кубанского края.

Для участия в заседании Рады от дивизии в Екатеринодар было командировано десять офицеров и десять казаков, которым, в случае избрания В. Л. Покровского командующим Кубанской армией, были обещаны чины, ордена и тыловая служба. Как отмечает М. Губа, задача перед ними была поставлена крайне неприятная. Все посланные офицеры и казаки были кубанцами, В. Покровский – молодым карьеристом, никому на Кубани не известным, всего лишь год назад приписанным в казаки, и совершенно не знающий уклада их жизни. Вероятно, эти обстоятельства были учтены атаманом А. Филимоновым, и прибывшим в Екатеринодар представителям войск объявили, что заседание Рады переносится на неопределенное время.

По возвращении в часть М. Губа был назначен командиром 6 сотни Запорожского полка и участвовал в упорных боях под Невиномысской в октябре 1918 г., а затем под Ставрополем. Наряду с дивизией Покровского в боях под Ставрополем участвовали части А. Шкуро, в которые входили казаки Баталпашинского отдела и Волгского полка Терского войска. Окруженные в Ставрополе красные отчаянно оборонялись, а затем, прорвав окружение, отступили на Святой Крест. Белые же преследовали отступавших. В январе 1919 г. белые захватили Святой Крест и взяли в плен более 10 тысяч пленных. Отступающая Таманская армия красных таяла на глазах: к большим боевым потерям добавилась эпидемия тифа, наступил настоящий мор.

В воспоминаниях Михаил Васильевич сетует, что тогда лишь изредка ему, теперь уже сотнику, удавалось бывать дома. В начале февраля 1919 г., побывав в отпуске, он сформировал отряд казаков-добровольцев в количестве 28 человек и ним отправился на фронт. Второй Запорожский полк в это время находился в станице Червленной Терского казачьего войска. Там Губа снова возглавил свою сотню.

Полностью разгромив Таманскую армию, полк передислоцировался в Донскую область. Здесь сотника М. Губу настиг тиф. После выздоровления он вновь прибыл в свой полк и участвовал в боях уже под Царицыным. 6 июня 1919 г. в районе станции Котлубань произошел бой между двумя полками кубанских казаков и конной дивизией красного кавалериста Б. Думенко. Этот бой запомнился М. Губе своей ожесточенностью. В дивизии Думенко, помимо кавалерии, было 20 пулеметных тачанок – грозной, по тем временам, силы. В одном из затяжных боев Второй Запорожский полк оказался на грани разгрома его красными, и лишь появление отряда генерала И. Павличенко принесло полку спасение. Здесь, в степях под Царицыным, Михаил был ранен в ногу. Медицинская комиссия признала его не годным к строевой службе.

Как пишет далее Михаил Васильевич, на тот момент положение на фронте осложнилось тем, что генерал Деникин обвинил Законодательную Раду в сепаратизме. По его указанию семнадцать депутатов были арестованы генералом В. Покровским. Священник Калабухов был повешен в Екатеринодаре на Крепостной площади в форме кубанского казака с табличкой на груди: «За измену казачеству», остальные депутаты были высланы за границу. Эта бессмысленно жестокая расправа над избранниками народа возмутила население Кубани. М. Губа справедливо отмечает, что «Ни одна область или губерния не давала такого большого количества казаков на фронт, как Кубанский край. Действия Деникина вызвали возмущение среди казаков на фронте. «Мы воюем, а в тылу разгоняют Раду. Довольно воевать. Идем домой». И кубанцы покидали массово фронт, который теперь «катился на 100 верст в сутки». И только донские казаки сдерживали на некоторое время красные войска. Положение на фронте все приобрело катастрофический харак-

тер. Добровольческая армия отступала. В лесах появились бело-зеленые. Это были казаки, покинувшие армию Деникина. Постепенно в станицах стало проявляться враждебное отношение к белым.

Несмотря на ранение, М. Губа оставался в строю. В декабре 1919 г. он был назначен адъютантом коменданта г. Анапы по хозяйственной части. Огромный жизненный опыт помог ему быстро навести порядок в городском хозяйстве. Но уже в январе 1920 г. М. Губа был назначен атаманом родной станицы Черноерковской. На тот момент Добровольческая армия уже отступала к Новороссийску, а Кубанская армия отходила к границам Грузии по черноморскому побережью. В это сложное и трагическое время, когда фронт трещал по швам, каждый казак, как пишет М. Губа, задавался вопросом: «Что делать дальше?». В войсках распространялись панические настроения, подогреваемые различного рода слухами и домыслами. Сам Губа верил, что отступление Кубанской армии в Грузию – продуманный, а не вынужденный шаг.

М. В. Губа вспоминает, что в конце февраля 1920 г., когда армия генерала А. Деникина начала эвакуацию в Крым, он находился в Анапе. В это время активизировались бело-зеленые. Их было так много, что они захватили город и комендантское правление. Комендант с сотней казаков забаррикадировались в городской гостинице и держали оборону целые сутки. Затем бело-зеленые выдвинули ультиматум, чтобы гарнизон оставил город и дали гарантию свободного прохода до станции Тоннельной. Силами осажденного в гостинице гарнизона невозможно было удержать город, поэтому было принято решение об отступлении.

Через Тоннельную на Новороссийск в начале марта шла лавина войск. Положение в Новороссийске Михаил Васильевич описывает так: транспортных средств для эвакуации войск не хватало, пароходы

брали лишь людей, поэтому кавалеристы и артиллеристы оставляли лошадей на произвол судьбы. Лошади по городу ходили табунами. Белое командование, видя что до прихода красных всех не удастся эвакуировать, направило часть войск на Тамань, чтобы оттуда забрать их в Крым.

В числе выдвинутых 9 марта на Тамань частей было два полка донских казаков под командованием генерала Гелина, перед которыми была поставлена задача по пути освободить от бело-зеленых Анапу. Узнав о приближении войск, бело-зеленые оставили город и ушли в горы. Не успели городские власти расположиться по квартирам, как у станицы Анапской появилась красная кавалерия силой в два полка с артиллерией. Только наступившая ночь позволила отряду кавалерии и обозу во главе с комендантом Анапы полковником Вольховским оторваться от преследования красных по направлению к хутору Джемете. Ночью отряд кавалерии ушел в обход станицы Анапской в сторону Новороссийска. На хуторе остались комендант, М. Губа и писарь Н. Сторчак, поскольку у них не было лошадей. Полковник Вольховский остановился у знакомого доктора под видом его брата. М. Губа вместе с писарем Сторчаком за вознаграждение прятались на чердаке у одного из жителей хутора, наблюдая продвижение красных войск со стороны Витязево. Красные искали конный отряд белых и, не обнаружив его на хуторе, пошли на Анапу. Ночью Губа и Сторчак отправились в сторону станицы Гостагаевской, в поле набрали на скирду соломы, где прятались весь день, а ночью двинулись дальше и пришли на хутор казака станицы Гостагаевской Кацюбы. Узнав, что они казаки, тот пообещал их спрятать: «Я казак, своих никогда не выдам». В разговоре выяснилось, что дядя хозяина – комиссар Гостагаевской Я. Ф. Остришко, который по счастливой случайности был и однополчанином М. Губы.

Комиссар оставил Михаила жить у себя под видом двоюродного брата, а Сторчак остался на положении работника. Через две недели Я. Остришко выдал им мандаты о том, что они командированы в ст. Петровскую за семенным картофелем. Так они добрались до Черноерковской, где большевиков не было. М. Губа быстро освоился и вскорости снова был избран в станичный совет на должность помощника комиссара, а потом и военного комиссара. Но через какое-то время он оставил эти должности и устроился в станичный кооператив, заведовать лавкой. В то время, как он пишет, многие из офицеров и даже бывших атаманов находили возможность легализовать свое положение через кооперативные организации. Это позволяло им ездить за товаром в Екатеринодар – в областную кооперацию. Кроме того, Михаил хотел спокойной мирной жизни. К тому времени у него было уже четверо детей, которых он из-за постоянных вынужденных отлучек видел очень редко. Но вскорости снова пришлось выживать.

В одну из поездок в Екатеринодар М. Губа видел, как, как по улице прогнали под конвоем массу казаков, сдавшихся в плен под Адлером бывшей Кубанской армии. Как ему удалось узнать, их разместили на окраине города на кирпичных заводах, а офицеров и членов Рады держали под арестом. 6 мая 1920 г. М. Губа в очередной раз приехал в Екатеринодар за товаром. Здесь он встретил одного из своих сослуживцев, который, со ссылкой на друзей в областном политотделе, сообщил о том, что от него узнал, что час назад там получена секретная телеграмма с приказом: всех генералов, офицеров, чиновников и вольноопределяющихся, служивших в Белой армии, срочно выслать в Ростов в ВЧК. На вопрос Михаила, – для какой надобности? – сослуживец ответил: «В лучшем случае направят служить в Красную армию, а в худшем – на принудительные работы в шахты», и тут же предложил уйти в леса,

к бело-зеленым. Но М. Губа решил уйти в плавни, поскольку оттуда можно было в любой момент переправиться в Крым, к генералу П. Врангелю.

Как пишет Михаил Васильевич, офицеров в Екатеринодаре было тогда довольно много, а сочувствующих еще больше. И несмотря на то, что распоряжение было секретным, к вечеру о нем знали все, кого оно касалось. Начались аресты, офицеров под конвоем отправляли в Ростов. Губе стало ясно – спокойной жизни не будет, рано или поздно последует арест с возможным более неблагоприятным исходом. Нужно было вернуться домой быстро, по возможности не привлекая к себе внимания. Для этого ему очень нужно было до темноты пересечь мост через Протоку, поскольку на ночь мост могли закрыть, и тогда пришлось бы ночевать у моста, а это грозило арестом.

План созрел в дороге, когда Михаил с группой попутчиков-кооператоров выехал на подводе в Славянскую. В то время самым ходовым и востребованным товаром были спички, которых катастрофически не хватало. Находчивый М. Губа объявил кооператорам в Славянской, что встретил знакомого, приехавшего из Новороссийска, и тот якобы рассказал, что в Новороссийске в одном магазине можно недорого купить спички, что он сам купил две тысячи коробок, и дал Михаилу адрес магазина. Однако дело в том, что хозяин магазина торопится, потому что боится реквизиции, поэтому нельзя упускать представившегося случая. Распрощавшись с попутчиками, М. Губа отправился в Черноерковскую. Оказалось, что здесь уже трижды за ним приходили. Как и планировал, Михаил ушел в плавни и с мая по август 1920 г. скрывался там от преследования. В приазовских плавнях тогда было много бело-зеленых, в том числе и из его станицы.

14 августа 1920 г. в станице Приморско-Ахтарской высадился десант во главе с

генералом С. Улагаем. Врангель рассчитывал, вновь поднять кубанское казачество на борьбу против Советской власти. Однако казаки уже не верили в освободительный поход, и пополнение десанта силами местного казачества оказалось незначительным. Основная часть десанта развернула успешное наступление на Екатеринодар и достигла станиц Тимашевской и Брюховецкой. Но Приморско-Ахтарская осталась без прикрытия, и база десанта была захвачена Красной армией.

14 августа 1920 г. четыре сотни из состава десанта вошли в Черноерковскую. Узнав об этом, Губа вернулся домой. 17 августа, когда отряд получил приказ наступать на Петровскую и Славянскую и покинул станицу, станичный сход избрал Михаила Васильевича атаманом. Спустя несколько лет в воспоминаниях он напишет, что принял это избрание помимо своего желания. Как горстка войск, – риторически вопрошает казачий офицер, – засевших в Крыму, могла освободить всю Россию? Ведь этого не смогла сделать Добровольческая армия, занимавшая некогда половину Европейской части России, когда и вся Сибирь была занята белыми войсками! Причиной поражения белого движения Губа называет ошибки белых генералов, из-за которых от них отвернулся народ.

Избранный атаманом М. Губа попытался найти опору в однополчанах: он собрал из них небольшой отряд и выставил на ночь сторожевое охранение. Но этой же ночью пришло известие отряд красноармейцев устранил охранение, выставленное десантом вокруг Петровской, и занял станицу. Стало очевидным, что опасения были не напрасны: десант откатывался назад.

М. Губа решает уходить вместе с десантом в Крым. Супруги договорились, что вместе с ним уйдет и жена, а детей решили оставить у родственников. В станице оставался отец Михаила Василий Губа, сестры Вера и Саша, брат Алексей. Следующей же ночью детей отнесли к сестрам. Старшая

дочь Михаила Васильевича Мария рассказывала автору этой публикации о том, как её мать плакала, расставаясь, и все время повторяла: «Запомните, дети, что вы казаки, запомните!». Михаил Васильевич рассчитывал, что, «когда все успокоится», его жена вернется из Крыма к детям, а сам он уедет за границу и вызовет туда семью.

При эвакуации десанта в Крым М. Губа с женой и другие черноерковские казаки были приняты на крейсер «Буг». Эскадра направилась в Керчь. В пути капитан крейсера предложил казакам написать рапорты о зачислении в корабельную команду, ввиду того, что людей не хватало. Михаил согласился и, оставив жену в Керчи, нес службу на крейсере, который выполнял задачи, поставленные генералом Врангелем.

М. В. Губа описывает и такой эпизод завершающего этапа Гражданской войны: в один из дней, когда он служил на крейсере, большевики разослали по кораблям радиogramму с призывом к морякам арестовать офицеров и идти к ним под красным флагом на соединение, и за это обещали амнистию. На тот момент часть экипажа «Буга» сочувствовала большевикам. Скрывшие командира корабля радиogramму моряки провели тайное собрание, на котором решили арестовать офицеров и идти к красным. Но этому воспротивились моряки из казаков, недавно пополнивших команду, которые заявили заговорщикам: «Посмотрим, кто кого выбросит в море». Видя такое настроение казаков, радист доложил о радиogramме капитану.

Далее М. В. Губа вспоминает о событиях последних дней белого движения на Юге России. В ноябре 1920 г. Красная армия прорвала оборону у Перекопа и устремилась в Крым. Предвидя такие события, командование врангелевской армии четко спланировало эвакуацию. Корабли должны были забрать войска в Евпатории, Севастополе, Феодосии и Керчи. Войска же должны были успеть сосредоточиться в

условленное время в названных пунктах. М. В. Губа утверждает, что по уровню организации эвакуация 150-тысячной армии не знала равных. Крейсер «Буг» должен был забрать часть войск в Евпатории. Однако случилось так, что судно село на мель у берега, было повреждено, и экипажу пришлось его оставить, перейдя на баржу. Все корабли эскадры (более сотни) были сильно перегружены людьми. На палубах и во внутренних помещениях судов люди стояли могли лишь стоять, возможность присесть распределялась по очереди. Не хватало хлеба и воды. Перегруженные корабли и особенно баржи могли в любой момент пойти на дно, поскольку из-за перегрузки осадка судов значительно увеличилась. К счастью, стояла спокойная и безветренная погода, и караван судов благополучно дошел до Константинополя, где уже скопились тысячи беженцев. Здесь экипаж «Буга» перевезли на пароход «Добыча». Несколько дней на берег никого не выпускали, чем воспользовались местные жители-турки, устроив обмен: за немалые деньги, золотые предметы и т. д. они предлагали продукты питания. В Константинопольском порту Михаил от подошедшего на катере станичника И. Головки узнал, что его жена не осталась в Крыму, а находится рядом, на пароходе «Самара». С большим трудом уже на берегу в Константинополе Губа он нашел жену в лагере беженцев, который охраняли французские солдаты. Ей удалось бежать.

Использованная литература:

1. Государственный архив Краснодарского края. Ф. Р-1913. Оп. 1. Д. 45.
2. Государственный архив Краснодарского края. Ф. Р-1913. Оп. 1. Д. 46.
3. Государственный архив Краснодарского края. Ф. Р-1913. Оп. 1. Д. 47.

Вскоре вышел приказ генерала Врангеля. Негодные к военной службе и имевшие об этом документы, увольнялись из армии и могли сойти на берег. Эскадра же доставила армию генерала Врангеля в Галлиполи, а затем на греческий остров Лемнос.

На этом часть воспоминаний Михаила Васильевича Губа о событиях Гражданской войны завершаются. Далее он сообщает о том, как оказался в Соединенных Штатах. С декабря 1920 г. супруги Губа скитались по Константинополю, зарабатывая средства на пропитание и жилье и ища возможность покинуть Турцию. Чисто случайно, как пишет Михаил Васильевич, из газеты он узнал тогда, что «Союз морских офицеров» при поддержке Американского Красного Креста и Лиги нации занимался организацией переезда в США. Имея на руках документы о службе М. Губы на корабле «Буг», семья в январе 1923 г. покинула Константинополь и переехала в США. Лишь в 1929 г. туда к родителям выехали, а вернее, были вывезены их дети, числе которых была Мария Михайловна, спустя несколько десятилетий передавшая нам воспоминания своего отца.

Данная публикация представляет собой первый опыт введения в научный оборот воспоминаний М. В. Губы в виде изложения отдельных частей данного документа. Очевидна необходимость полной публикации этого интересного и уникального по многим характеристикам исторического источника.

References:

1. *State Archives of the Krasnodar Region [GAKK]*, Fund R-1913, Inventory 1, File 45.
1. *State Archives of the Krasnodar Region [GAKK]*, Fund R-1913, Inventory 1, File 46.
1. *State Archives of the Krasnodar Region [GAKK]*, Fund R-1913, Inventory 1, File 47.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Громов, В. П. Новый мемуарный источник о Гражданской войне: из воспоминаний кубанского казака-эмигранта М. В. Губы [Электронный ресурс] / В. П. Громов // Наследие веков. — 2018. — № 2. — С. 78-89. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2018/06/2018_2_Gromov.pdf (дата обращения дд.мм.гг).

Full bibliographic reference to the article:

Gromov, V. P., A New Memoir Source about the Russian Civil War: from the Memoirs of the Kuban Cossack Emigrant Mikhail V. Guba [A New Memoir Source about the Russian Civil War: from the Memoirs of the Kuban Cossack Emigrant Mikhail V. Guba], *Nasledie Vekov*, 2018, no. 2, pp. 78-89. http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2018/06/2018_2_Goncharov.pdf. Accessed Month DD, YYYY.

*Д. Белюкин. Эвакуация дроздовцев и корниловцев из Крыма.
1994 г., холст, масло**

* Электронная копия оригинала с сайта народного художника России Дмитрия Белюкина: http://www.belukin.ru/_upload/catalogue/92_b.jpg